

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ В ГОРОДАХ УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

В статье на основе документов муниципальных органов власти анализируется система здравоохранения в городах Уфимской губернии в период действия Городового Положения 1870 г.: санитарное состояние, факторы риска, меры по профилактике эпидемий, организация работы медицинских учреждений и их кадровое обеспечение. Кроме того, уделяется внимание отношению населения к научной медицине, медицинскому персоналу и больничным учреждениям. Автор подчеркивает, что качество жизни горожан во многом зависело от них самих, игнорирование санитарных правил приводило к росту инфекций в городах.

Ключевые слова: история повседневности, буржуазные реформы, городское самоуправление, земство, уездный город, экология, история медицины.

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Здравоохранение в городах Уфимской губернии (вторая половина XIX в.) // Историческая этнология. 2019. Т. 4, № 1. С. 119–131. DOI: 10.22378/he.2019-4-1.119-131

Охрана здоровья населения в России вошла в круг социальных проблем государственного значения лишь в XIX в. Наиболее интенсивное развитие сферы здравоохранения приходится на вторую половину столетия, и это было связано, главным образом, с развитием земской и городской медицины. Именно через муниципальные органы власти формировалось новое отношение населения к научной медицине, к качеству жизни и факторам риска для здоровья.

Например, если публицисты конца XIX в. отмечали благоприятный климат Уфимского края, где нет местных болезней [13, с.165], то другого мнения придерживались сами жители. Так, представители Мензелинской городской думы отмечали рост смертности в уездном центре, где ежегодно на каждые 25 человек приходился один покойник. По мнению гласных, на высокую смертность влияла окружающая среда, болотистая местность, открытое положение города и отсутствие растительности. «А между тем положительно доказано, что болезни: чахотка, тиф, холера, дизентерия, корь, оспа, скарлатина, коклюш и многие другие развиваются от дурного

воздуха», – отмечали гласные на одном из заседаний Мензелинской городской думы, где выступили с предложением об устройстве городского общественного сада [15, с.8].

По замечанию исследователя А. Уразовой, городская смертность в Уфимской губернии во второй половине XIX столетия, действительно, была очень высокой. Традиционно, она превышала сельскую смертность. Но причины смертности были обусловлены не только отсутствием зеленых насаждений. Были еще такие факторы, как «большое число вредных для здоровья профессий, развитие алкоголизма и проституции, неудовлетворительные санитарные и гигиенические условия жизни, скученность жителей» [29, с.22–23].

Например, в уздном городе Мензелинске санитарно-эпидемиологическая обстановка ухудшалась во время зимней ярмарки, когда все городские помещения: и общественные, и частные были переполнены. «Род смерти большею частью горячка, чахотка или старость, как видно из метрик», – отмечалось в статье о Мензелинске, опубликованной еще в 1865 г. Очень большой была детская смертность, при этом в их метриках, в основном, причиной смерти ставилась «младенческая болезнь». Одной из причин высокой детской смертности в г. Мензелинске автор данной публикации считал плохие санитарно-гигиенические условия, в особенности, среди «низших слоев общества», а также игнорирование родителями официальной медицины. «... Родители детей – этих никогда почти не имеют никаких отношений с медиками не то, что в случае болезни детей, а даже и собственной своей личности, все же предоставляют судьбе, случаю или даже знахаркам, – почему болезнь пустая может быть в начале – развивается и делается смертельной», – заключал он [25, с.58–59].

В докладе гласного Уфимской городской думы А.А. Малеева от 1890 г. о санитарных условиях губернского города, говорилось о том, что основными источниками инфекционных заболеваний являются отхожие места и помойные ямы, которые либо содержатся неудовлетворительно, либо вовсе отсутствуют. Особое внимание он обращал на места наибольшего скопления людей: трактиры, гостиницы, постоялые дворы, мастерские, а также квартиры рабочих артелей. Кроме того, Малеев подчеркивал, «крайнее загрязнение обывательских дворов и даже улиц». Он указывал на следующие слободы г. Уфы: Архиерейскую, Труниловскую, Золотухинскую, «где почти не существует ни отхожих мест, ни помойных ям, все нечистоты остаются на дворах или без всякого стеснения спускаются и выливаются водосточные канавы или прямо на улицы» [21, с.34]. Кроме известных своими антисанитарными условиями промышленных заведений, как кожевенные, мыловаренные и салотопенные заводы, вызывали подозрение и так называемые «заведения для приготовления съестных припасов»: пекарни, булочные, колбасные, а также продуктовые лавки. Практически нигде не соблюдались санитарные нормы. Неудивительно, что города постоянно были охвачены различными эпидемиями.

Вопросами охраны здоровья населения и общественного призрения занимались преимущественно органы земства, а городские управы выполняли лишь вспомогательную роль. Это было обусловлено и «рекомендациями» высших органов власти: в эпоху буржуазных реформ Приказы общественного призрения были переданы земствам [26, с.150]. В этой связи расходы на здравоохранение составляли лишь 1% городских бюджетов [27, с.199]. В этой сфере городские думы практически сохранили дореформенные порядки. Так, если в 1870 г. в уфимском городском бюджете на врачебные и санитарные нужды выделили 104 руб., после реформы эти расходы увеличились до 332 руб.; только к 1895 г. эта цифра достигла 3240 руб. [11, с.21]. Но выделяемые на врачебный и санитарный отдел средства не всегда использовались по назначению. Так, в Стерлитамаке городская дума в течение пяти лет выплачивала жалование уездному врачу. Однако он бывал в городе лишь раз в неделю, чего, конечно же, было недостаточно для местных пациентов. В результате, убедившись в том, что беднейшее население чаще всего посещает земскую больницу, а более состоятельные горожане приглашают земского врача домой, городская дума в 1879 г. прекратила выплачивать жалование уездному доктору [16, с.113].

Деятельность городских дум в области здравоохранения носила фрагментарный характер. Это было связано и ментальными установками того времени. Забота о здоровье входила скорее в разряд частных задач, а больницы воспринимались как место, где люди умирают. Да и расположение некоторых лечебных учреждений наводило на такие мысли. Например, в Мензелинске еще в 1820-е гг. больницу построили возле кладбищенской Пророко-Ильинской церкви [25, с.60]. Поэтому большинство населения не доверяло врачам, а больницы называли не иначе как «желтый дом» [24, с.12]. Да и врачей на всех не хватало. Как отмечал С. Елпатьевский, в начале 1880-х гг. в Уфе было мало врачей. Сразу после приезда в город его взяли на должность врача в местной амбулатории с жалованием 30 руб. в месяц, через некоторое время специалиста переманили уже в губернскую земскую больницу. Помимо бесплатных приемов в муниципальном лечебном учреждении, он вел в городе и частную врачебную практику [6, с.194–199].

В 1870-е гг. в Уфе выделяемая городской думой на здравоохранение сумма тратилась на жалование повивальным бабкам и оспопрививателям, расходы в уездных городах были примерно такими же. Несмотря на то, что «оспопрививального персонала» в Уфе на то время было достаточно, профилактика оспы проводилась не очень успешно. Одной из причин было невежество населения [20, с.146]. При этом в двух пунктах города прививки проводились бесплатные. Однако не все горожане обращались к ним, т.к. большинство было убеждено, что нужно непременно вознаграждать оспопрививателя. Для того, что бы люди шли на прививку добровольно, Уфимская городская дума просила о содействии и уфимского епископа, и оренбургского муфтия, что бы они повлияли на своих прихожан

[20, с. 148]. Мусульмане обычно не доверяли русским оспопрививателям. Например, для сравнения в Казанской губернии были нередки случаи, когда детей татары прятали от фельдшеров, или даже высасывали привитую вакцину [30, с.267]. Скорее всего, у мусульман Уфимской губернии наблюдались схожие стереотипы.

В уездах за оспопрививанием следили земские управы. Но контроль был поставлен не лучшим образом, перечень привитых «обыкновенно никем не проверялся, этим открывался широкий простор для мошенничества всякого рода. Так, например, «оспенник» вносил в список имена детей, не только не подвергавшихся оспопрививанию, но даже не существующих, – вспоминала бывший земский врач Белебеевского уезда, – К довершению всех зол, «оспенники» сделали из предохранительного оспопрививания своего рода натуральную повинность. Используя издавна существующую в народе предубеждение против вакцинаций, «оспенник» предлагал желающим откупиться от этой операции за двугривенный, чем, конечно, немало дискредитировал в народе такую полезную предохранительную меру, как оспопрививание» [1, с.346].

Уездное оспопрививание не сильно отличалось от городского. Например, в 1878 г. в Бирской городской думе рассматривалось дело местного оспопрививателя, который «почти 4 месяца не прививал ни кому оспы, отзываясь неимением для сего материи, тогда как таковой имелась у уездных оспопрививателей» [14, с.49]. В результате, детей горожан прививали уездные оспопрививатели. Гласные ограничились выговором бездельнику-оспопрививателю и предупредили, что если такое повторится, вычтут с жалованья соответствующую прогулу сумму [14, с.50]. Но через несколько лет ситуация в Бирске мало изменилась. На оспопрививание ежегодно выделялось 420 руб., но, как утверждали сами гласные городской думы, они уходили в никуда. Оспопрививатель бездействовал. Угроза эпидемии оспы стала ярким тому подтверждением. Лишь благодаря местному врачу Левицкому, который взялся бесплатно делать прививки, удалось избежать эпидемии [2, с.668].

В 1879 г. в Уфе было издано обязательное для горожан постановление «О мерах к охранению народного здравия». Как заметил А.А. Малеев, постановление это было принято поспешно и во многом не последовательно. Некоторые положения этого документа не были введены в практику, а выполнение правил практически не контролировалось надзорными органами [21, с.35]. В целом, постановление было принято по следам циркуляра Министерства внутренних дел «о принятии мер к охранению народного здравия», в котором указывалась необходимость оздоровления санитарной обстановки в городах [12, с.67]. Именно поэтому в феврале 1879 г. уфимский губернатор В.П. Левшим издал приказ, по которому были срочно созданы все городские думы. Гласные должны были принять постановления по охране народного здравия [23, с.39]. В губернском отчете отмечалось, что предыдущие постановления городских дум в этой области касались, в ос-

новном, чистоты улиц и «далеко не обнимают самых существенных мер к предупреждению развития эпидемических болезней» [23, с.39].

Скученность населения и интенсивность контактов (бытовых, производственных, торговых и других) становились благоприятной средой для распространения инфекционных заболеваний, особенно остро этот вопрос стоял в губернском городе. Например, источником заразы являлись городские бани (т.н. общие «торговые бани»). В середине 1880-х гг. местные власти считали, что они «находятся в таком плохом состоянии, что кроме вреда для здоровья ничего не приносят – вода употребляется в банях негодная, повсюду гниль и сырость, содержатся грязно» [19, с.29].

В Уфе время от времени появлялись такие заболевания как чума, оспа, сибирская язва, скарлатина, дифтерия, тиф, холера. Именно в эти периоды усиливалась деятельность городского самоуправления в области здравоохранения. При угрозе эпидемий действовали вместе все силы: губернская администрация, земство и городская управа, различные общества; город делился на небольшие медико-санитарные участки [17, с.156]. Так, в 1882 г., когда в губернском центре была отмечена вспышка дифтерии, в городе было 6 таких участков, к каждому прикреплялся свой участковый попечитель. Среди них были врачи, гласные думы, чиновники и другие лица. Люди должны были сообщать о новых больных либо врачам, либо попечителям участков. Общество уфимских врачей вызвалось лечить всех больных бесплатно [17, с.156–157].

Из эпидемий, охвативших губернскую Уфу, наиболее заметными были тиф и холера. В 1892 г. на различные меры по устранению холеры городом было израсходовано 13 900 руб.[11, с.26]. Но население часто относилось скептически к этим мерам. «Если покажешься доктору, он упечет сразу в холерный барак, а там дают смертельные лекарства и полуживого полумертвого человека кладут в гроб», – передавал мысли простого народа М. Гафури в своей статье «Рассуждения неграмотных людей о холере» в татарской газете «Вакыт» от 1910 г. Очевидно, что в XIX в. мнение народа о профилактике холеры было таким же консервативным. Мажит Гафури подчеркивал фатализм мусульман Уфимской губернии [3, с.305].

Схожим образом действовали и другие социальные группы. Например, мензелинские мещане и крестьяне во время холеры отправлялись париться в баню, пили винные настойки со стручковым перцем, а также раствор золы и соли [9, с.37–38]. Надо отметить, что в это время определенных медицинских рекомендаций по лечению холеры не было. Но, распространенное в народе, мытье в бане, как санитарно-гигиеническая мера, служило профилактикой болезни, а раствор золы и соли, действительно, мог способствовать излечению холерного больного, так как организм страдал как раз от потери солей и щелочи.

Лишь вероятность денежных потерь, могли заставить простых горожан стать более ответственными в вопросах профилактики и соблюдения санитарных мер. Так в 1889 г. в губернском центре была вспышка брюшного и

сыпного тифа. Особая комиссия в течение месяца осматривала дворы и различные общественные места. Под угрозой штрафов, владельцы домов и заведений тщательнее следили за санитарным состоянием своих хозяйств. Но, по замечанию гласных, как только комиссия прекратила свою деятельность, «исчезли заботы обывателей об очистке ретиратов, помойных ям, о чистоте и опрятности в разного рода заведениях...» [21, с.35].

Среди инфекционных заболеваний горожан особенно выделялись сифилис и туберкулез. Рассадниками сифилиса были пивные лавки, где в смежных комнатах располагались тайные комнаты свиданий. Гласные Уфимской городской думы несколько раз поднимали вопрос о закрытии этих комнат. Но их ходатайства так и не получили положительного решения. Например, в 1890 г. жители Бекетовской улицы пожаловались на постоянных «пьяных посетителей» открытого здесь нелегального дома терпимости, иными словами тайных комнат при пивной лавке. Думцы создали подготовительную комиссию по этому поводу, но они сами не имели право закрывать увеселительные заведения, а могли лишь ходатайствовать перед полицией об ограничении их местоположения [21, с.153]. Уфимская городская дума не раз обсуждала идею переселения таких заведений с «подлыми девками» за черту города. В 1890 г. в губернском центре насчитывалось более 80 женщин, легально занимавшихся проституцией. Некоторые народные представители предлагали запретить им появляться в городе в утренние часы, «когда ученицы и ученики идут в училища, а также днем, чтобы не оскорблять чувства честных женщин» [22, с.48–50]. Но эту инициативу удалось реализовать лишь в начале XX в. Гласные Мензелинской городской думы в 1880-е гг. обсуждали вопрос о запрещении торговли спиртными напитками в домах терпимости [18, с.85]. В этом уездном городе подобная деятельность оживала обычно в ярмарочное время.

Даже такая необходимая мера как оспопрививание из-за невежества и равнодушия младшего медицинского персонала могла привести к заражению сифилисом. Так, по замечанию земского врача Белебеевского уезда А. Веретенниковой, местные оспопрививатели часто «снимали оспенную материю с детей, страдающих наследственным сифилисом и другими болезнями и переносили её на здоровых детей» [1, с.346].

Проблема сифилиса, в том числе бытового и наследственного, возникла в Башкирии еще в начале XIX в. Обеспокоенный физическим состоянием башкиро-мещеряцких войск оренбургский военный губернатор граф П.П. Сухтелен в 1831 г. выступил с инициативой о подготовке специальных врачей из мусульман. Эта мера была крайне необходима для охраны здоровья служилых людей из башкир и татар, а так же членов их семей. «Особенно встречаются затруднения в явном отвращении иноверцев прибегать к лечебному пособию медиков наших, для которых больные женского пола и вовсе недоступны, следовательно, и преграждение болезни делается невозможным», – рассуждал губернатор [31, с.12]. Поэтому он обратился к оренбургскому муфтию, именно через него в мусульманских

Оренбургской губернии была распространена информация о наборе врачей. Учеба давала освобождение от военной службы, этот момент тоже сыграл свою роль для привлечения абитуриентов. Итогом активной деятельности Павла Сухтелена стало то, что в 1830-х гг. в Казань были направлены 4 подростка. Они проходили обучение за казенный счет: сначала – в Казанской мужской гимназии, затем – в университете. Среди них был и Салихджан Кукляшев. Но будущий просветитель задержался на медицинском факультете лишь полгода, в апреле 1833 г. он оставил учебу из-за состояния здоровья. Но, позднее Кукляшев все же прошел обучение на филологическом факультете. Судя по всему, медицинская сфера просто пришлась ему не по душе.

По-другому сложилась жизнь сына обер-офицера Араслана Субханкулова. Он окончил университет в 1842 г. и был удостоен звания лекаря. Именно Субханкулов стал первым врачом из мусульман Оренбургского края. После учебы он служил в башкиро-мещеряцком войске [31, с.24]. Практика обучения врачей-мусульман за казенный счет в Казанском университете длилась до 1860-х гг. После отмены системы военного управления в Башкирии (1865), эта традиция тоже была упразднена. Т.к. уже не было необходимости в военных врачах. Но за этот период выпускниками медицинского факультета стали десятки мусульман.

Другая напасть XIX столетия – туберкулез. Распространение этого заболевания было связано не только с антисанитарными условиями проживания горожан, но и с нехваткой знаний об этом заболевании. «Нужно вспомнить, что в те времена, в конце 70-х и в начале 80-х гг., учение о туберкулезе стояло на мертвой точке, не была еще открыта коховская палочка, не появились на сцену крезоты, не было специальных санаториев, твердо верили в наследственность чахотки и даже вопрос о её заразительности дебатировался среди врачей в неуверенном тоне, – вспоминал С. Елпатьевский, – Предсказание ставилось пессимистическое, считалось, что чахотка вылечивается только на кумысе, да в Крыму...» [6, с.219].

Вообще, городская среда вызывала много вопросов у муниципальных органов власти. Например, в Уфе и Стерлитамаке были распространены кожевенные промыслы. Мочка кожи и мытье шерсти осуществляли в городских озерах, что лишь усугубляло антисанитарию. В Уфе кожевенные предприятия сконцентрировались в Нижегородской слободе. Со временем городская дума стала запрещать как некоторые виды производства, так и повседневные занятия. Например, в Уфе в целях охраны народного здоровья, запретили также жителям стирать белье в озерах и прудах, находящихся в черте города.

Несмотря на все попытки органов городского самоуправления содействовать охране здоровья населения, их работа, по оценке современников, была организована не так эффективно как у земства. Это касалось и лечения пациентов, и санитарного надзора в целом. Например, только в 35 городах из 465 (за исключением столичных городов) имелись собственные

городские больницы [27, с.920]. В Уфимской губернии тоже не было ни одной лечебницы, содержащейся полностью за городской счет.

Хотя некоторая помощь в устройстве лечебных заведений органами городского самоуправления все же оказывалась. Уфимские муниципальные власти в 1889 г. купили у купца Стуколкина деревянный дом, где была размещена городская амбулатория. Один из самых влиятельных гласных Уфимской городской думы, некоторое время занимавший даже пост городского головы – купец Ф. Чижев в 1890 г. открыл в городе Чижевскую больницу. Для этого он построил на своем участке специальное здание, посадил сад, а потом подарил городской управе, чтобы организовали здесь лечебное учреждение. Позднее городская дума решила назвать медицинское учреждение в честь благотворителя. Долгое время больница считалась одной из самых больших в Уфе. Рассчитана была лечебница на 30 кроватей, при ней работала и своя карета «скорой помощи» [5, с.225].

В конце XIX в. в уездных городах Уфимской губернии функционировали только земские больницы. Например, в Мензелинске больница, рассчитанная на 60 мест, была открыта в 1828 г. После организации земств в Уфимской губернии в 1875 г. лечебница была передана из Приказа общественного призрения в ведение земских органов власти. В 1884 г. проверяющие констатировали, что «городская земская больница и аптека найдены комиссией в полном порядке – чистота и благообразие не оставляют желать ничего лучшего. (...). Новый больничный корпус включает некоторые недостатки, а именно общий коридор обоих отделений, мужского и женского, не имеет теплых сеней или прихожих и не только нескольких, но даже и одной палаты для изолирования заразных. К числу важнейших же недостатков больницы должно отнести крайне дурные ретирады, – они требуют переделки по системе луфт-клозетов. (...) Пища больных найдена удовлетворительной, исключая ржаного хлеба, который дурно выпечен из дурной муки» [7, с.112–113].

Горожане лечились в уездных больницах, из-за чего земские деятели критиковали городские самоуправления в бездействии. Хотя и в земских учреждениях дела обстояли не лучшим образом. «Врачи не имели ни сколько-нибудь толковых помощников-фельдшеров, ни медикаментов, ни инструментов и, как большинство земских служащих, по несколько месяцев не получали содержания» [1, с.344]. Конечно же, такого рода материальные трудности мало вдохновляли к содержательной врачебной работе. Немногие земские врачи сохраняли свой изначальный энтузиазм. Неудовлетворительными были и жалованья городских медицинских работников. Так, в 1878 г. в Златоустовской городской думе рассматривалось прошение местного городского врача Теплова, который был очень недоволен своей заработной платой в 240 руб. и особо подчеркивал, что «нет возможности существовать» на такой гонорар. В результате, депутаты единогласно повысили ему жалованье до 360 руб.[8, с.20] Вместе с тем, по замечанию председателя Мензелинского уездного земского собрания М.М. Ос-

танкова, все врачи стремились работать в городе, чем на отдаленных от уездного центра земских участках. Здесь не играло никакой роли даже материальные поощрения, в городе врачи соглашались работать даже за меньшее жалованье [7, с.49].

Ни одна городская дума Уфимской губернии своей стационарной больницы так и не построила вплоть до 1917 г.[21, с.155]. Но где-то были организованы амбулатории. Например, в 1898 г. Мензелинской городской управой была устроена городская амбулатория для проходящих больных, при ней же располагалась квартира для городского врача [4, с.15].

В более развитых российских городах Европейской России кроме городских врачей, были также специальные санитарные врачи, которые должны были предупредить заразные болезни, в 17 городах действовали свои лаборатории для исследования пищевых продуктов. В городах Уфимской губернии такого не было. Но даже при существовании специалистов, как пишет исследовательница городской жизни XIX в. Л.В. Кошман, степень обеспечения городских жителей Российской империи больничным лечением была не удовлетворительной и к концу XIX в. Так, «в большинстве городов на одно место в больнице приходилось 100–400 человек. В губернских центрах один врач обслуживал 500 и более пациентов». Эта цифра в столичных центрах была еще больше [10, с.104–105].

Конечно же, и в Уфимской губернии система здравоохранения в преформенное время оставалась еще слаборазвитой. Хотя постоянная борьба с эпидемиями на государственном уровне, появление аптек, частнопрактикующих врачей, просветительской литературы научно-популярного характера меняли в целом отношение людей к вопросам здравоохранения. Но надо признать, что многие жители городов продолжали практиковать народную медицину, занимались самолечением и редко обращались в лечебные учреждения. Поэтому слабое развитие системы здравоохранения нельзя сводить лишь к бездействию властей, не малую роль играл и менталитет горожан. Последние еще не рассматривали больничные учреждения и врачей как панацею от всех болезней. Смерть постоянно присутствовала в их жизни. Многие заболевания оставались неизлечимыми. И эта обреченность вкупе с религиозным сознанием связывало все это с божьей волей, поэтому очень немногие жители городов пытались сломить эту картину мира при помощи научной медицины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Веретенникова А.И. Записки земского врача // Башкирия в русской литературе: в 6 т. Т.2. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1990. С. 343–360.
2. Волжский вестник. №1–52. Казань, 1883.
3. Гафури М. Әсәрләр 4 томда. Т. 3. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1983. 392 с.
4. Государственный архив Республики Татарстан. Ф. 571. Оп. 1. Д. 3.

5. Егоров П. Чижовская больница // Уфа: страницы истории. Уфа, 2006. С.224–227.
6. Елпатьевский С.Я. Воспоминанья за 50 лет // Башкирия в русской литературе. Т. 4. Уфа: Башкирское книжное издательство, 1997. С. 194–220.
7. Журналы X очередного Мензелинского Уездного Земского собрания и доклады управы с приложениями. С 18 по 28 октября 1884 г. Т.1. Казань: Типография А.А. Родионова, 1885. 701 с.
8. Златоустовский городской архивный отдел Челябинской области. Ф. И–40. Оп.2. Д.11.
9. Иванов Н.С. Сведения о городе Мензелинске и его округе // Журнал Министерства внутренних дел. 1850. Январь. Ч. 29. С. 37–38.
10. Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. М.: РОССПЭН, 2008. 448 с.
11. Краткий очерк 25-летия введения в Уфе городского положения: 26.01.1871–26.01.1896. Уфа: Типо-литография В.К. Шлегер, 1896. 36 с.
12. Миненко Н.А., Апкаримова Е.Ю., Голикова С.В. Повседневная жизнь уральского города в XVII – начале XX века. М.: Наука, 2006. 384 с.
13. Научный архив Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Ф. 23. Оп. 1. Д. 5.
14. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. И–11. Оп. 1. Д. 46.
15. НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 53.
16. НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 59.
17. НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 61.
18. НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 63.
19. НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 84.
20. НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 97а.
21. НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 116.
22. НА РБ. Ф. И–11. Оп. 1. Д. 117.
23. Обзор Уфимской губернии за 1879 год. Уфа: Типография Губернского Правления, 1880. 45 с.
24. Очерк деятельности Уфимского губернского земства (к 50-летию введения земских учреждений) /сост. В.Ф. Герасимов. Уфа, 1914. 40 с.
25. Памятная книжка Оренбургской губернии на 1865 год. Оренбург, 1865. 300 с.
26. Полянина О.А. Органы городского самоуправления Уфимской губернии (1900 – начало 1917 г.). Уфа: РИЦ БашГУ, 2006. 270 с.
27. Россия в конце XIX века / под общ. ред. В.И. Ковалевского. СПб.: тип. Акц. общ. Брокгауз-Ефронь, 1900. 968 с.
28. Скальковский К.А. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1889. 504 с.
29. Уразова А.И. Города Южного Урала во второй половине XIX в. Автореферат дисс. ... к.и.н. Уфа, 2002. 25 с.
30. Шарипова Г. Семья Гафура. Алма-Ата: Жазушы, 1969. 347 с.
31. Шукшинцев И.С. Первые врачи из башкир в Оренбургском крае // Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Оренбург, 1903. Том XI, Выпуск XI. С.12–24.

Габдрафикова Л.Р. Здравоохранение в городах Уфимской губернии
(вторая половина XIX в.)

Сведения об авторе: Габдрафикова Лилия Рамилевна – доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); bahetem@mail.ru

HEALTHCARE IN THE CITIES OF THE UFA PROVINCE (SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY)

L.R. Gabdrāfikova

*Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru*

In 1870 a city reform was carried out in Russia. In the article analysis the healthcare system has been conducted based on the data obtained from the documents of the municipalities of the Ufa Province cities. The following problems are considered: sanitary condition of cities, risk factors for public health, measures to prevent epidemics, the organization of hospitals and recruiting medical personnel. In addition, an important point of this study is the analysis of the population's attitude to scientific medicine, healthcare personnel, and hospitals. The author concludes that the quality of citizens' life to a great extent depended on their mentality; ignoring sanitary rules caused spread of infections in cities.

Keywords: everyday life history, bourgeois reforms, municipality, zemstvo, district city, ecology, history of medicine.

For citation: Gabdrāfikova L.R. Healthcare in the cities of the Ufa Province (second half of the 19th century) *Istoricheskaya etnologiya – Historical Ethnology*, 2019, vol. 4, no. 1, pp. 119–131. DOI: 10.22378/he.2019-4-1.119-131

REFERENCES

1. Veretennikova A.I. Zapiski zemskogo vracha [Notes of a zemstvo doctor]. *Bashkiriya v russkoj literature* [Bashkiria in the Russian literature]. Vol.2. Ufa, Bashkir Book Publishing House, 1990. pp. 343–360. (In Russian)
2. *Volzhskij vestnik*. Kazan, 1883. No. 1–52. (In Russian)
3. Gafuri M. *Əsərlər* [Works]. Vol. 3. Kazan, 1983. 392 p. (In Tatar)
4. Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Tatarstan [The State Archive of the Republic of Tatarstan]. F.571. Op.1. D.3. (In Russian)
5. Egorov P. CHizhovskaya bol'nica [Chizhov's hospital]. *Ufa: stranicy istorii* [Ufa: Pages of history]. Ufa, 2006. pp.224–227. (In Russian)
6. Elpat'evskij S.YA. Vospominan'ya za 50 let [Memories of 50 years]. *Bashkiriya v russkoj literature* [Bashkiria in the Russian literature]. Vol.4. Ufa, Bashkir Book Publishing House, 1997. pp.194–220. (In Russian)
7. *Zhurnaly X ocherednogo Menzelinskogo Uezdnoego Zemskogo sobraniya i doklady upravly s prilozheniyami. S 18 po 28 oktyabrya 1884 g.* [Journals of the 10th regular Menzelinsky District Zemsky Assembly and reports of the administration with

appendices. From October 18 to October 28, 1884]. Vol.1. Kazan: A.A. Rodionov Publ., 1885. 701 p. (In Russian)

8. Zlatoustovskij gorodskoj arhivnyj otdel Chelyabinskoy oblasti [Zlatoust city archive department of the Chelyabinsk region]. F. I–40. Op.2. D.11. (In Russian)

9. Ivanov N.S. Svedeniya o gorode Menzelinske i ego okruge [Data about the city of Menzelinsk and its district]. *Zhurnal Ministerstva vnutrennih del* [Journal of the Ministry of Internal Affairs]. 1850. January. Vol. 29. pp. 37–38.

10. Koshman L.V. *Gorod i gorodskaya zhizn' v Rossii XIX stoletiya: Social'nye i kul'turnye aspekty* [City and urban life in Russia in the 19th century: Social and cultural aspects]. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2008. 448 p. (In Russian)

11. *Kratkij ocherk 25-letiya vvedeniya v Ufe gorodovogo polozheniya: 26.01.1871–26.01.1896* [A brief essay on the 25th anniversary of the urban situation in Ufa: 26.01.1871–26.01.1896]. Ufa, V.K. Shleger Publ., 1896. 36 p. (In Russian)

12. Minenko N.A., Apkarimova E.Yu., Golikova S.V. *Povsednevnyaya zhizn' ural'skogo goroda v XVII – nachale XX veka* [Everyday life of the Ural city in the 18th – early 20th century]. Moscow, Nauka Publ., 2006. 384 p. (In Russian)

13. Nauchnyj arhiv Ufimskogo federal'nogo issledovatel'skogo centra RAN [The Scientific Archive of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences]. F. 23. Op. 1. D. 5. (In Russian)

14. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op. 1. D. 46. (In Russian)

15. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op. 1. D. 53. (In Russian)

16. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op. 1. D. 59. (In Russian)

17. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op. 1. D. 61. (In Russian)

18. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op. 1. D. 63. (In Russian)

19. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op. 1. D. 84. (In Russian)

20. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op.1. D. 97a. (In Russian)

21. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op. 1. D. 116. (In Russian)

22. Natsional'nyj arhiv Respubliki Bashkortostan [The National Archive of the Republic of Bashkortostan]. F. I–11. Op. 1. D. 117. (In Russian)

23. *Obzor Ufimskoj gubernii za 1879 god* [Overview of the Ufa Province for 1879]. Ufa, Gubernskoe Pravleniye Publ., 1880. 45 p. (In Russian)

24. *Ocherk deyatel'nosti Ufimskogo gubernskogo zemstva (k 50-letiyu vvedeniya zemskih uchrezhdenij)* [Essay on the activities of the Ufa provincial zemstvo (on the 50th anniversary of the introduction of zemstvo institutions)]. Ufa, 1914. 40 p. (In Russian)

25. *Pamyatnaya knizhka Orenburgskoj gubernii na 1865 god* [The memorial book of the Orenburg Province in 1865]. Orenburg, 1865. 300 p. (In Russian)

26. Polyaniina O.A. *Organy gorodskogo samoupravleniya Ufimskoj gubernii (1900 – nachalo 1917 g.)* [Organizations of the city municipality of Ufa province (1900 – early 1917)]. Ufa, BashGU Publ., 2006. 270 p. (In Russian)

Габдрафикова Л.П. Здравоохранение в городах Уфимской губернии
(вторая половина XIX в.)

27. *Rossiya v konce XIX veka* [Russia at the end of the 19th century]. St. Petersburg, Brokgauz-Efron Publ., 1900. 968 p. (In Russian)

28. Skal'kovskij K.A. *Sovremennaya Rossiya. Ocherki nashej gosudarstvennoj i obshchestvennoj zhizni* [Modern Russia. Sketches of our state and public life]. St. Petersburg, A.S. Suvorin Publ., 1889. 504 p. (In Russian)

29. Urazova A.I. *Goroda YUzhnogo Urala vo vtoroj polovine XIX v.* Avtoreferat diss. ... k.i.n. [Cities of the Southern Urals in the second half of the 19th century. Abstract of Candidate Science (History) Diss.]. Ufa, 2002. 25 p. (In Russian)

30. Sharipova G. *Sem'ya Gafura* [Ghafur's family]. Alma-Ata, ZHazyshy Publ., 1969. 347 p. (In Russian)

31. Shukshincev I.S. *Pervye vrachi iz bashkir v Orenburgskom krae* [The first Bashkir doctors in the Orenburg region]. *Trudy Orenburgskoj uchenoj arhivnoj komissii* [Proceedings of the Orenburg Scientific Archival Commission]. Orenburg, 1903. Vol. XI, no. XI. pp. 12–24. (In Russian)

About the author: Liliya R. Gabdräfikova is a Doctor of Science (History), Chief Research Fellow, Sh. Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin St., Kazan 420111, Russian Federation); bahetem@mail.ru